

Денисенко Кристина

Напиши, поэт...

А в глазах твоих ореол огня
и зелёный лайм!
Между строчек плен, а в стихах до дна
для любви прайм-тайм...
В них тонуть тепло до мурашек рук
и до ватных ног,
До в моей груди твоего тук-тук
как обратный ток.

Свет вселенной всей не заменит лун
и созвездий флёр
Из твоих стихов, колдовских лагун
и туманных гор,
Из бегущих строк за земную ось,
за пределы сфер...
Напиши про дождь, про песчаный плёс,
напиши про снег...

Я хочу как пить вновь читать тебя
с рафинадом слов,
Я саванна чувств, я стихий маяк
в королевстве снов...
Пустоты бокал разлетелся в крик,
в сплин унылый в грудь...
Напиши про дождь, про желанный миг,
хоть про что-нибудь...

Крем-брюле закат, голубая даль,
корабли в порту...
Между строчек плен, я твою печаль
со своей кладу
В закрома души, в коробок для нот,
в оригами цвет...
Напиши про дождь, про хрустальный лёд,
напиши, поэт!

И в глазах моих ореол огня
и зелёный лайм!
Между строчек плен, а в стихах до дна
для любви прайм-тайм...
В них тонуть тепло до мурашек рук
и до ватных ног,
До в твоей груди моего тук-тук
как обратный ток.

Пикассо

Кружевная ночь соскользнула вниз с колдовских зеркал.
В призрачных тонах смазанный эскиз дерзостью кричал.
Полотно, акрил, лаконичный жест... Я такая вся...
Обними, не стой! Я из тех божеств, кто сразит ферзя!

Наповал, на пол... Подождут холсты и мольберт в мольбах.
Твой огонь в глазах вечной мерзлоты как свеча впотьмах.
Дорисуешь взгляд, силуэт и тень как-нибудь потом,

А сейчас плей-офф — у моих колен неземной шалом.

Пикассо, босой в белых простынях я вливалась в роль

Страстной леди ню, вечного огня, опытной Ассоль.

Я потом сама дорисую Кипр и фонтан чудес!

А сейчас плей-офф — шторм стихий грозит разразиться здесь

Среди тусклых стен и твоих картин в стиле волшебство,

Среди тысяч слов как приятный сплин от стихов Сапфо.

Обними, не стой! Восхищенных глаз дна касаюсь вновь...

Пикассо, босой я вливаюсь в час, где сильнее любовь

Всех на свете чувств с зарисовкой в тон акварельных губ,

Золотой слюды, изумрудных зон и пастельных групп.

Я такая вся... Я с твоих картин... Я с других миров...

А ты весь такой... как из лампы Джин... как из сладких снов.

Пикассо, сорви поцелуев гроздь как в последний раз.

Я тобой спела, налита, я воск, что течёт, я джаз...

Подождут холсты и мольберт в мольбах, выключаем свет.

Две минуты до... и в твоих глазах тонет мой портрет.

Мой край

Никаких «Прощай», мой разбитый в твердь огневой рубеж.

И без окон дом, и без дома дверь — всё в тумане беж.

В световых лучах православный храм с золотым крестом...

Колокольный звон беспокойных гамм... Ты и я фантом.

Отгремели в нас ураганы зла в неизбежный час.
Отгремела ночь — тишина легла белым снегом в грязь.
Не слышны шаги, я иду и нет — я лечу как стриж
Над сырой золой, сорванных в кювет, обгоревших крыш.

Порастут травой кирпичи, стекло, чернота руин...
Мой разбитый в хлам, белым набело расцветёт жасмин.
Будет ясный день, будет ясной ночь, будет цвет кружить,
И в твоих полях золотым зерном корни пустит жизнь.

С чистого листа, с фермерских широт ты начнёшь расти!
Над тобой рассвет новый день зажжёт с божьей высоты.
Пусть же смочит дождь черноту и смрад с каменных равнин...
Чтоб построить дом, посадить здесь сад, чтоб играл в нём сын.

Не в войну, а в мяч! По росе босым! И с нас хватит войн.
Всё пройдёт, мой край, словно с яблонь дым, всё пройдёт как сон.
Не прощусь с тобой, как бы ни был плох и потрепан в пыль.
Здесь моя земля! Здесь родной порог и в слезах ковыль.

Тревогу осязает август

Тревогу осязает август каждым звуком
Берёзовой листвы, шуршащей о больном.
Зарёй в родном краю с поличным враг застукан,
И небо прижимается к плечу плечом,

Как друг, который никому не даст обидеть,
Как звёздный стражник на соломенном коне.

И я ввиду отвергнутых душой событий
К его плечу хочу прильнуть ещё тесней,

И о прекрасном грезить, будто всё свершится
Лишь стоит дать испуганным мечтам полёт.
Чтоб умолкали не от новых взрывов птицы,
А от того, что летний дождь вот-вот пойдёт.

Чтоб август, опалённый жуткими боями,
Слезами не смывал с лица людской беды.
Пусть смочит дождь. И в скором сентябре упрямо
Родной мой край как прежде будет золотым.

Выстой

Здесь закат над полями духмяный.
Здесь полынью горчит горизонт.
Здесь художник, в стихийной сутане,
Будто пишет мой красочный сон
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Золотистым лучом сквозь войну,
— Просто мир, просто даль, просто «Выстой»,
И я сердцем в надеждах тону.

С терриконов спускаются трели,
С колокольни — обрывистый звон.
Милый загород точно свирельным
Волшебством допьяна опоён.
Степь донецкая вспыхнула гладью,

Ковылями натянутых струн.

И на танки в окопах не глядя,

Я в тебе окунуться иду.

Растворяюсь душой без остатка

В благодати некошенных трав.

Я в объятиях солнечно-сладких

От всех бед и страстей спасена.

Золотистым лучом сквозь молитвы,

Сквозь ветра, что привычно скорбят.

Просто мир, просто даль, просто «Выстой» ...

Я стихами рисую тебя.

Моя милая «Я»

Отожгла и бачату, и румбу молодость,

— только смотрит с умытого ливнем зеркала

та же, в платье в неброский горошек, девочка

из страны всяких бабочек и чудес.

Молча ищет во мне, а я в ней отличия.

Кружевной воротник обрамляет тонкости.

И не то чтобы я целиком и полностью,

но безумно похожее что-то есть.

И как будто не дождь за стеклом, а оттепель,

и бессрочный круг до совершеннолетия,

и не то чтобы я на свой возраст сетую

— просто в чёлке её пламенеет медь,

а в моей гаснут звёзды, светлеют сумерки,
между нами ни много, ни мало схожего,
но в её зазеркалье воздушность множится,
а в моём — листопад начинает тлеть.

Обернулись кленовые листья радугой,
или там, или здесь будто праздник девичий,
в шторах бабочки из оригами плещутся,
а она всё стоит и молчит как тень.

Отражение, отблеск, отсвет, отдушина,
моя милая «Я» без улыбки радостной
снова будет часы и минуты складывать
в черный ящик звенящих тоской дождей.

Я есмь tartufo

Хочешь, я буду тебе полезной,
хочешь, раздетая в рот полезу?
Белая, словно луна в июле,
сладкая, будто каскады ласк!
Сагой тактильной напомню дюны
— голодом вспыхнешь, едва подумав
то ли про вред, то ли не о пользе.
Я есмь, дразнящий тебя, соблазн.

Я есмь tartufo* без тени платья!
Взглядом довольно колени гладить,

пышные формы, влитые плечи,
— всё излучает тепло и лад!
Хочешь, развеем с тобой пол мифа?
Мне осторожность твоя смешлива!
Ну, не паслён я, не ядовита,
было бы, что от тебя скрывать!

Я молода, как шальное утро,
и горяча, как в закате угли,
— что тебе спеть под гитару ночи?
чем мне прикажешь приблизить час?
Тонешь в глазах горделивой стужей,
будто, и правда, не хочешь скушать
всю до последнего вздоха в нёбо,
всю до крахмальных моих прикрас.

Пальцы продрогли в ажурном свете,
— не обожжёшься, прошу заметить.
Губы твои так пленят и манят,
что я жалею, что я еда...
Вот бы была я твоей подругой,
— всех бы за пояс других заткнула,
ох, бы свела тебя, мой красавчик,
сразу с вобравшего страсть, ума!

*Русское слово «картофель» произошло от немецкого «kartoffel», которое, в свою очередь, произошло от итальянского «tartufo» (tartufo — трюфель).

Свет очей моих...

Свет очей моих, что мне оттепель,
если сердце сильней колотится,
если руки теплы и скованы
поцелуями мягких губ?
Что зима мне, что снег в проталинах?
Я устала Тебя вымаливать
всякий миг, всякий час от сумерек
до потёмок, и не могу

отпустить, отойти, опомниться —
Ты мой сон и моя бессонница,
Ты мой дом и чужая улица
лунных яблонь и райских птиц.
Я Тобой, будто небо звёздами,
зажигаясь и жаром пользуюсь
так невинно и так осознанно,
что попробуй не отзовись

на аккорды капли медленной,
и нечаянно, и намеренно
спровоцируй меня на лирику
с водопадом ванильных строк...
Выдох, вдох, и опять симфония,
а глаза до того бездонные,
что тонуть и тонуть в них хочется
вдоль сомнений и поперёк.

Наизусть ночь читает истины —
я от ласки Твоей зависима.

Что мне оттепель, что метелица,
если Ты свет моих очей?

Если Ты всё моё до чёртиков,
если я без Тебя как чёрствая,
и тоска по Твоим объятиям
чёрной ветоши туч мрачней.

Простое чудо

На осколках пристрастий души и сердца
Я растила с любовью простое чудо,
И когда по ночам звёзды страхи будят,
Обнимает меня мой духовный лес.

Шелестящий иголками тонких сосен
И окованный сплином ночной сонаты,
Он мечтами о чём-то большом богатый
И не верит словам тишины всерьёз.

Он мне дарит луну на рыбацкой леске,
А снимая с крючка золотую рыбку,
Отпускает волшебным рассветом брызгать
На всё самое чёрное, что ни есть.

Он прекрасен до хвойных своих ладоней,
До корней, огибающих боль и слёзы.

Мой причудливый лес за меня дерётся
С тем, с чем справиться в общем-то не дано.

Ни влюблённости, ни романтизму стати.
Я сама будто пень рассыпаюсь тленом,
И сама от себя никуда не денусь,
А мой лес продолжает меня спасать.

И рисует на окнах морские волны,
Шум прибоя и крики безликой птицы,
Золотистый песок и как день садится
В покидающий пристань рыбацкий чёлн.

Всё проходит. Туманы, печали, страхи...
Сосны смотрят моими глазами в оба.
Одиночество — это почти свобода
От того, что держало ещё вчера.

Кот пишущей ямбом грусть

Там за дверью, залитой теплом, свет.
Солнце жмётся щеками в квадрат окна.
Пыльный стол в ожерельях стихов сед.
Ты с бумагой как с богом опять честна.

Не мешать, не скользить чернотой лап
По плывущим лучам янтарём сверкнуть
Призывает то чувство, когда стал
Покровителем пишущей ямбом грусть.

Добровольно прикован зарёй в пол.
Шерсть взъерошила где-то под грудью блажь.
До того романтизм твой с ума свёл,
Что боюсь в твою сторону и дышать.

Подбираешь ли рифму в узор чувств
И к стене обращаешь прямую речь,
Поэтический плач торжеству чужд,
Но твой плач я готов у двери стеречь.

Допиши до конца череду драм
— и в колени уткнушь фанатичным лбом,
Буду пальцам на чёрной копне рад,
И приму на себя твоих строчек боль.